

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА

УДК 101.1:316

ОБЩЕСТВО И ЭТОС КАПИТАЛИЗМА

В.В. Чешев

Томский государственный
университет

chwld@rambler.ru

В статье развивается мысль, что фундаментальной опорой всякого общества являются этические (нравственные) принципы, которые не только определяют индивидуальные взаимоотношения людей, но участвуют в формировании общественных отношений. Это положение справедливо и по отношению к капитализму, принесшему не только определенные мотивации в хозяйственную сферу, но утвердившего также определенные этические принципы в обществе. Автор исследует процесс формирования этических принципов – от трудовой этики капитализма до антропологии европейского Просвещения. Новая антропология приняла концепцию самодостаточного индивида, стремящегося к максимизации личной пользы, к удовольствиям и избегающего страданий. В силу комплекса исторических причин, коренящихся в истории Европы, общество приняло этос индивидуализма и стремления к индивидуальному благу, чем проложило путь утверждению капитализма и восхождению его элит. На эту этику опирается последующее развитие капитализма и его поддержка со стороны общества.

Ключевые слова: индивидуализм, протестантизм, этос капитализма, плутократия, антропология Просвещения.

DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.1-28-38

В предшествующих статьях уже было отмечено, что марксизм придал капитализму своеобразную «историческую легитимность», обосновал его как некий закономерный этап в развитии человечества. Согласно марксистской теории капитализм возникает вследствие развития производительных сил (становление машинного производства) в сочетании с частной собственностью на средства производства. Такая легитимация прочно закрепилась в общественном сознании. Неудивительно, что в период перестройки нашла своих сторонников идея, что советский некапиталистический период развития был неким вывихом, неким выпадением из мировой истории. Между тем основания для названного представления

весьма спорны, поскольку выведены из далеко не очевидной и дискуссионной версии исторического процесса. Если жизнь общества сводить к предметно-деятельным процессам удовлетворения все возрастающих материальных потребностей, то получится одна картина. Если же на первый план выдвигаются некие смысловые основания жизни, то картина будет совсем иная. Так или иначе, исчерпывающий ответ возможен лишь в рамках теории, раскрывающей становление и природу человеческих обществ. На сегодня такой теорией, удовлетворяющей все научное сообщество, мы не располагаем, но можно исследовать разнообразные и гибкие взаимоотношения между хозяйственной деятельностью, соци-

альной структурой общества, общественными отношениями и оплодотворяющей ролью культуры для общества как системного целого. В таком контексте, способном охватить все обстоятельства возникновения капитализма, можно приближаться к пониманию его сущности и его исторической роли. Но более всего нас должны интересовать этические основания жизни человеческих сообществ, поскольку именно они предстают как основные культурные смыслы, направляющие поведение людей и организующие жизнь общества как целого.

Принятие капитализма, как можно судить по исследованиям М. Вебера и Ф. Броделя, потребовало согласия общества с определенной моделью поведения человека, т. е. его согласия с определенной этикой, привнесенной процессом становления капитализма. В этой связи возникает важный вопрос, как в обществе устанавливается согласие относительно принципов поведения, необходимых для поддержания его системной целостности. Если идти издалека, то можно начинать с принципов организации биологических сообществ. Но это очень уж издалека, поэтому мы ограничимся указанием на принципиальную грань между человеческими и природными сообществами. Она в том, что человеческое сообщество является культурным, а это означает доминирование в нем культурных (искусственных) программ жизнедеятельности, основанных на культурных смыслах, формирующих доминантные мотивации членов сообщества и сообщества как целого. Смыслы, организованные в определенную иерархию, предстают как фундаментальные культурные основания системной целостности общества и его самоидентификации. Поэтому развитие общества, его воспроизводство от поколения

к поколению оказывается органически увязано с процессами трансляции культуры, точнее с процессами трансляции основных культурных смыслов, представляющих собой культурно-генетическую информацию общества.

Историческое движение общества совершается в условиях изменяющейся социально-природной среды, причем, как верно указывал К. Маркс, эти изменения вносятся людьми в ходе деятельностного взаимодействия с природной реальностью. Поэтому культурные смыслы, направляющие поведение людей, не живут отдельной жизнью. Они «опредмечиваются» тем, что в превращенной форме воплощены во всем комплексе социальных отношений и поведения людей, включая хозяйственную деятельность. Хозяйственная этика, к исследованию которой обращался М. Вебер, оказывается формой проявления этических оснований, доминирующих в обществе, и анализ хозяйственной системы не может сводиться к неким чисто экономическим условиям получения прибыли. В.С. Соловьев утверждал в свое время, что «подчинение материальных интересов и отношений в человеческом обществе каким-то особым, от себя действующим экономическим законам есть лишь вымысел плохой метафизики, не имеющей и тени основания в действительности», а потому «в силе остается общее требование разума и совести, чтобы и эта область подчинялась высшему нравственному началу, чтобы и в хозяйственной своей жизни общество было организованным осуществлением добра» [5, с. 412]¹. По-

¹ Подобным образом Ф. Бродель отмечает, что «никакой экономики “в себе”, разумеется, не существует» [2, 10]. Следуя В.С. Соловьеву, можно предположить, что в силу тех или иных обстоятельств и в определенный временной промежуток сообщество (общество) может оказаться и органи-

сколькo моральные принципы пронизывают все стороны жизни общества, то нам важно увидеть этическую составляющую капитализма, в котором привыкли видеть прежде всего способ организации хозяйственной деятельности. Жизнь западной цивилизации в ее историческом движении не исчерпывается исключительно этикой капитализма, но без рассмотрения последней портрет капитализма будет не только не полон, но существенно искажен. Три вопроса должны интересовать нас при рассмотрении культурно-смыслового содержания капитализма: а) какую этику несет «непрозрачная зона» капитализма; б) как принципы этой этики вошли в общество; в) чем стало общество, завоеванное капитализмом.

Основная цель профессиональной деятельности капиталиста (капиталистического предпринимателя) заключается в получении прибыли (наживы). Этим были заняты крупные негоцианты и те, кто участвовал в их торговых и банковских операциях. Однако в эпоху доминирования христианского мировоззрения этот род занятий требовалось привести в соответствие с моральными принципами, принимаемыми обществом. Первоначально новые социальные иерархии, формирующиеся в «непрозрачной зоне» капитализма, шли по пути взаимодействия с прежними сословными элитами, используя при этом свои финансовые возможности. Представители новой социальной группы укрепляли свое положение, давая денежные займы феодальной знати и королевской власти, как, например, упоминавшийся ранее заем К. Фуггера Карлу V на его избирательную кампанию. При зованным деланием зла. Во всяком случае, такое часто случается с малыми группами, примерами которых являются криминальные сообщества.

этом старший Фуггер оставался католиком, и его социальную филантропию можно представить как вполне укладывающуюся в границы этики христианского милосердия, хотя формировавшаяся в Европе группа капиталистов скорее всего не была однородной и монолитной. Внутри нее шла конкурентная борьба, которая, возможно, стала одной из причин разорения семейства Фуггеров и казни старшего Вельзера.

Для нас важно, что внутри новых поднимавшихся иерархий должен был складываться определенный этос, позволивший им самоутвердиться внутренне и внешне. Протестантизм, каким бы ни был исторический путь его зарождения, был «историческим подарком» новым социальным иерархиям, поскольку он не только реабилитировал приумножающую погоню за прибылью, но даже сделал ее сакральным служением, внутренним долгом христианина ее христианской добродетелью. Более того, протестантское мировоззрение возвысило людей, преуспевающих в приумножении, обнадежив их тем, что у них больше шансов принадлежать к избранным, в отличие от отверженных, неуспешных, от которых отвернулся сам Творец. В общем случае этос общества и этос группы, стоящей на высокой ступени социальной иерархии, не могут быть полностью тождественными, но некоторые фундаментальные основания должны быть общими. Общность такого рода была необходима для завоевания общества капитализмом, его необходимым условием была прямая или косвенная поддержка новых ценностей другими социальными слоями. Они должны были поддерживать смысложизненную установку на получение наживы как фундаментальной ценности социального поведения, как ценности, упорядочивающей социальные от-

ношения. Названную установку сознательно или неосознанно поддержали все социальные группы, втянутые в Реформацию, в особенности же те слои, которые прямо или косвенно включались в новые отношения и делали успехи в своей приумножающей активности. Так или иначе ценности, принимаемые новой социальной иерархией, должны были найти путь в общество, подготавливая и обеспечивая приход капитализма. Иначе говоря, общество, принимающее капитализм, должно было сформировать этос, в своих основаниях не противоречащий ценностям протестантского капитализма.

Как уже отмечено, в низовые слои общества новые ценности несли люди, принявшие протестантское сознание. Социально-психологическую сторону этого процесса описал в свое время М. Вебер, и нам уместно вновь обратиться к его известному исследованию. Как отмечает немецкий социолог, основным противником, с которым сталкивался восходящий капитализм, оказался традиционализм². Под традиционализмом М. Вебер имел в виду установки сознания (этику) традиционного хозяйства, которое не нацелено на получение прибыли как генеральную цель. Человек традиционного общества производит ради потребления, в то время как само потребление ограничено культурными рамками, сложившимися в обществе. В представлении традиционализма «человек “по своей природе” не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько

ко, сколько необходимо для такой жизни» [3, с. 81]. Но вот в хозяйственную деятельность вторгаются люди с новыми установками сознания. Они преобразовывают хозяйственную деятельность, а вместе с нею и жизнь людей. М. Вебер описывает прецедент такого вторжения «духа капитализма»: «До середины прошлого века (19-го века – В.Ч.) жизнь скупщика изделий домашней промышленности (во всяком случае, в некоторых отраслях текстильной промышленности Европы) протекала, по нашим понятиям, довольно спокойно. Ее можно представить себе следующим образом: крестьяне приезжали в город, где жил скупщик, со своими изделиями, которые подчас (если это были ткани) преимущественно или целиком выдвигались ими из своего сырья; здесь после тщательной (в ряде случаев официальной) проверки качества изделий они получали определенную плату. Клиентами скупщика для торговли на дальнее расстояние были посредники, также приезжие, которые обычно приобретали изделия не по образцам, а руководствуясь знанием привычных сортов; они брали товар либо со склада, либо же заблаговременно заказывали его; в этом случае скупщик в свою очередь заказывал требуемое у крестьян... Не слишком обременительный рабочий день – около 5-6 рабочих часов – часто значительно меньше, больше лишь во времена каких-либо торговых кампаний, там, где они вообще имели место; сносный заработок, позволявший вести приличный образ жизни, а в хорошие времена и откладывать небольшие суммы; в целом весьма лояльные, основанные на совпадении деловых принципов отношения между конкурентами; часто посещение “клуба”; в зависимости от обстоятельств кружка пива по вечерам, семейные

² «Первым противником, с которым пришлось столкнуться “духу” капитализма и который являл собой определенный стиль жизни, нормативно обусловленный и выступающий в “этическом” обличье, был тип восприятия и поведения, который может быть назван *традиционализмом*» [3, с. 80].

праздники и в целом размеренная спокойная жизнь.

Если исходить из коммерческих деловых свойств предпринимателей, из наличия капиталовложений и оборота капитала, из объективной стороны экономического процесса или характера бухгалтерской отчетности, то следует признать, что перед нами во всех отношениях капиталистическая форма организации. И тем не менее это “традиционалистское” хозяйство, если принять во внимание дух, которым оно проникнуто. В основе подобного хозяйства лежало стремление сохранить традиционный образ жизни, традиционную прибыль, традиционный рабочий день, традиционное ведение дел, традиционные отношения с рабочими и традиционный, по существу, круг клиентов, а также традиционные методы в привлечении покупателей и в сбыте... все это определяло “этос” предпринимателей данного круга» [3, с. 86, 87].

Далее по мере вторжения капиталистических отношений происходило следующее: «В какой-то момент, однако, эта безмятежность нарушалась, причем часто отнюдь не сопровождалась принципиальным изменением формы организации – переходом к замкнутому производству или к введению механических станков и т. д. Происходило обычно следующее: какой-нибудь молодой человек из среды перекупщиков переселялся из города в деревню, где он тщательно подбирал ткачей, значительно усиливал степень их зависимости и контроль над их деятельностью и тем самым превращал их из крестьян в рабочих; одновременно он старался сосредоточить в своих руках весь сбыт посредством установления тесной связи с низовыми контрагентами, т. е. с магазинами розничной торговли, сам вербовал покупателей, ежегодно регулярно

посещал их и направлял свои усилия на то, чтобы качество продукции отвечало их потребностям и желаниям, “было бы им по вкусу”, одновременно он проводил в жизнь принцип “низкие цены, высокий оборот”. Затем происходило то, что всегда и повсеместно следует за подобным процессом “рационализации”: кто не поднимался, тот опускался. Идиллия рушилась под напором ожесточенной конкуренции, крупные состояния не отдавались в рост, а вкладывались в производство. Препятствием прежней уютной, спокойной жизни приходил конец, наступала пора суровой трезвости: те, кто подчинялся законам времени и преуспевал, хотели не потреблять, а приобретать; другие стремились сохранить прежний строй жизни, но вынуждены были ограничить свои потребности. При этом – самое главное – не приток новых денег совершал, как правило, этот переворот (в ряде известных нам случаев весь процесс революционизирования совершался при помощи нескольких тысяч, взятых взаймы у родственников), но вторжение нового духа, а именно “духа современного капитализма”» [3, с. 87, 88].

Как показывает М. Вебер, проблема движущих сил капитализма не сводится к вопросу об источнике используемых капиталистом денежных ресурсов. Это в первую очередь вопрос о проникновении капиталистического духа. Разумеется, описанная предприимчивость рождает и нового в психологическом плане человека. Предприниматель описанного типа часто сталкивался с атмосферой ненависти и морального возмущения. Оно вызывалось именно разрушением традиционного образа жизни, ибо безграничный рост интенсивности и производительности труда, который необходим в капиталистическом предпринимательстве, несовместим с безмятежным

существованием и наслаждением жизнью. Разрушение традиционного образа жизни, обусловленное денежным интересом, воспринималось также и как действие, нарушающее моральные принципы традиционного общества. Но такой последовательный в своем деле предприниматель уже являл собой новый тип личности именно энергичного человека, с упорством своей веры возводившего «бизнес» и все, что вело к его успеху. Если же спросить такого энергичного деятеля о том, что его мотивирует, какова в конце концов конечная цель его усилий, то, как отмечает М. Вебер, наиболее адекватный и вразумительный ответ заключался бы в признании, что само дело стало для него необходимым условием существования. Протестантскому предпринимателю, как полагает С. Вебер, богатство «ничего не дает», разве что иррациональное ощущение хорошо исполненного долга в рамках своего призвания.

Обращение к психологическому портрету тех предприимчивых людей, которые строили свое дело по описанной М. Вебером модели, является важным для социологического анализа. Но более существенно для нас другое социальное следствие, именно возникновение широкой общественной базы для распространения и укрепления капитализма, для распространения его духа. Картина этого процесса достаточно пестрая, но на некоторые тенденции можно указать. Поддержка нового мировоззрения шла из стана тех, кто имел серьезные претензии к общественным порядкам феодализма, включая даже отдельных представителей феодальной элиты. Протестантизм, направленный против католицизма, стал одним из мощных организующих факторов движения, которым были охвачены, в частности, городские ремесленни-

ки. Однако религиозное упорство протестантизма не могла обеспечить достаточно широкой базы для полной победы новых социальных иерархий и их видения будущего. Задача создания широкой мировоззренческой опоры была решена европейским Просвещением, утвердившим в новом идейном облике ценности, необходимые для завоевания капитализмом доминирующего положения в обществе. «Мировоззрение модерна», которое О. Шпенглер назвал «фаустовским духом», помогло синтезировать приход капитализма с энтузиазмом прогрессистского овладения природой посредством создания машинной техники и соединения науки и технического творчества. Поэтому было бы ошибкой искать в Реформации единственное и окончательное объяснение процесса завоевания капитализмом европейского общества.

В эпоху европейского Просвещения, когда начал формироваться промышленный капитализм, складывается светское мировоззрение, доминантой которого становится идея прогресса, оказавшаяся ядром «духа модерна» или «фаустовского духа». В этом новом контексте формируются базовые антропологические представления, на которые начинает опираться этос промышленного европейского общества. Идея приумножения, идея получения наживы, сакрализованная в протестантской трудовой этике, получает светское философско-антропологическое обоснование, снимающее противопоставление избранных и отверженных, лишенных спасения. Главные постулаты новой антропологии сводятся к тому, что человек суть свободный индивид, стремящийся к максимизации удовольствия и пользы для себя лично и по возможности избегающий страданий. Этическая установка на приумножение получает новое оправ-

дание, она утрачивает протестантский ригоризм и становится постулатом, который может быть принят любым светским человеком, соглашающимся с прогрессивной идеологией Просвещения. Установка на прогресс по-своему оправдывает и даже навязывает указанную этическую доминанту. Формируется убежденность, что в обществе все стремятся к максимизации пользы, максимизации удовольствия и комфорта и у общества появляется своеобразное «общее дело» преуспевания. Установка на личный успех в названном деле получает моральное обоснование и оправдание, подобно тому как в протестантизме в свое время было оправдано стремление к наживе как исполнению земного долга и как форме христианской добродетели.

Просвещенская антропология как бы подхватывает идею возрожденческого гуманизма, когда устами Пико дела Мирандолы было провозглашено самоутверждение человека как высшего творения Бога. Этому творению оставлена возможность принять конкретный образ в ходе освоения мира. Итальянский гуманист приписывает творцу следующие слова: «Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозреть все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочитаешь» [4, с. 181]. Вопрос здесь заключается только в том, какой человеческий образ предпочло европейское общество в последующем развитии.

Концепция человека эпохи Просвещения включает в себе ряд простых положений, в которых выражен принципиальный отказ от христианско-теологических догматов. Как уже отмечено, просвещенческий

человек предстает как существо, стремящееся к наслаждению и избегающее страданий. При этом человек оказывается некой автономной особью, самостоятельно решающей названные задачи. Эта автономия рассматривается как его врожденная свобода, а мир – как среда, в которой человек реализует свою свободу и свои «естественные права». Но на практике люди не живут в одиночку, они сгруппированы в сообщества, поскольку люди полезны друг другу. Они могут иметь различные обязанности, у них возникает разделение труда и обмен производимыми предметами. Поэтому жизнь в сообществе требует регуляции человеческих взаимоотношений, которая по представлениям просветительского сознания обеспечивается общественным договором и возникающим на его основе «правовым государством». Центральной идеей, обращенной к политическому сознанию индивида, явилась идея свободного самодостаточного индивида, максимизирующего личную пользу без посягательства на такое же поведение других индивидов. В этом устремлении все равны, все имеют одинаковое естественное право на достижение названной цели. То есть все люди изначально свободные эгоисты, умеряющие свой эгоизм в соответствии с правовыми регуляторами и в соответствии с этической установкой, требующей от людей не нарушать свободу других при решении собственных задач. Таким выглядит обобщенный образ естественного человека в мировоззрении европейского Просвещения, такова нативная антропология (антропология естественного человека) в новом мировоззрении формирующегося европейского промышленного общества. Правда, на деле люди сталкиваются с фактическим неравенством, с дисбалансами удовольствия и

страдания. В рамках принятых воззрений эти диспропорции можно было объяснить различием усилий, проявленных конкретными людьми. Названные диспропорции можно уменьшать теми или иными общественными мерами с помощью, например, социалистического движения, требующего справедливого распределения без разрушения самих основ нового мировоззрения. В результате просвещенческая концепция человека и человеческого общества смогла укрепить иллюзорное представление, будто капитализм есть реализация естественной природы человека, что он возник из свободной конкуренции свободных предпринимателей, реализующих свои естественные права. О гипнотической силе этого совершенно антиисторического представления до сих пор свидетельствуют суждения отдельных представителей нашей политической элиты, полагающей, что нужно только дать свободу предпринимательству и все устроится само собой.

Мировоззрение эпохи Просвещения складывалось в условиях борьбы с феодализмом. Оно не было лишено социального оптимизма, основанием которого был совершившийся промышленный прогресс, резко усиливший материальные возможности человека и ставший основным средством для возрастания материального комфорта³. Позднее эти прогрессистские установки получили название духа модерна, соединившего установку на материальное благополучие с представлением о самоутверждении человека. Однако указанному

³ Здесь нельзя не отметить «прогрессистский пессимизм» Н.Ф. Федорова, обращенный к обществу, стремящемуся к максимуму удовольствий: «Прогресс есть именно та форма жизни, при которой человеческий род может вкушать наибольшую сумму страданий, стремясь достигнуть наибольшей суммы наслаждений» [6, с. 78].

синтезу изначально присущ некий фундаментальный изъян, обусловленный самим процессом становления нового общественного порядка. Из мировоззрения этой эпохи вольно или невольно выпадали высшие мотивации человеческого существования, для которых необходим соответствующий строй мыслей и чувств, хотя христианско-гуманистическая культурная традиция Европы не могла не сопротивляться опрощению жизни, обусловленному распространением меркантильных обывательских идеалов буржуазной эпохи. Этот процесс отступления высших мотиваций отражен в культурной истории Европы последних двух веков. Однако общество, согласившееся с доминированием ценностей материального благополучия, словно размягченный воск оказалось целиком во власти капитализма. Капитализм овладевает государством, он сам становится государством, как полагал Ф. Бродель. Тем не менее на этой этической основе общество обрело свою смысловую базу, принципы выстраивания общественных взаимоотношений, способ выстраивания политической власти.

Эволюция общества и эволюция властной элиты взаимосвязаны. Однако этос, обретенный европейским обществом по мере завоевания его капитализмом, не стал прямым переносом мировоззренческих установок новой иерархии. При этом общим этическим основанием для общества и новой элиты оказалась погруженность в материальную сферу жизни. Новая элита обрела на этой основе средства экономического, политического и мировоззренческого контроля общества, в то время как для самого общества новый этос обернулся идеологией потребительского благополучия, последовательно вытесняющего все другие мотивации общественного человека.

Однако общество, живущее одной лишь меркантильной страстью, неизбежно теряет исторические ориентиры и способность к глобальной самоорганизации, пригодной для сохранения всего многообразия человеческих культур. Высшие исторические цели такого рода требуют апелляции к неким высшим мотивациям, выходящим за границы индивидуального эгоистического интереса. Такую роль выполняли идеи гуманизма, идеи защиты национального государства и т. п., которые в послевоенную эпоху вытеснила космополитичная идея защиты прав человека, этот сугубо политизированный суррогат общечеловеческих ценностей, конкретное наполнение которого определяется идеологическим аппаратом глобального капитализма. В конечном счете высшие мотивации человеческого существования оказались замещены на якобы универсальные ценности либерализма, сутью которых, по утверждению Ф. Фукуямы, являются стандарты потребления⁴. Принявшее капитализм общество стало обществом потребления со всеми присущими ему плюсами и минусами.

Для оценки этических доминант этого общества есть разные точки отсчета. Ригористическая моральная оценка дана ему в православно-христианском мировоззрении, в котором оно предстает как торжество власти мамоны, т. е. как земная власть

⁴ «В частности, впечатляющее материальное изобилие в развитых либеральных экономиках и на их основе – бесконечно разнообразная культура потребления, видимо, питают и поддерживают либерализм в политической сфере. ... Состояние сознания, благоприятствующее либерализму, в конце истории стабилизируется, если оно обеспечено упомянутым изобилием. Мы могли бы резюмировать: общечеловеческое государство – это либеральная демократия в политической сфере, сочетающаяся с видео и стерео в свободной продаже – в сфере экономики» [7, с. 139].

богатства и как поклонение этой власти. Действительно, стремление к максимизации удовольствий плохо сочетается с идеей нравственного долга и служения высшим мотивам. Поскольку же «непахнувшие» деньги стали средством обретения материальных благ, то деньги и становятся главной заботой человека, стремящегося приобрести. Эта сторона жизни западной цивилизации в промышленной стадии развития достаточно очевидна, можно ограничиться ее констатацией. Более существенно понятие поведение элиты, принимающей как принципиальные стратегические, так и текущие решения в жизни общества на основе этого, в котором воплощены собственные ценности капитализма. Социальные иерархии, пришедшие к власти в ходе завоевания общества капитализмом, как можно предположить, почувствовали себя повелителями Истории. Социально-экономическая и этическая оценка этой власти невольно сводится к тому, что общество имеет дело с властью плутократии, которая в современном обществе предстает как власть денег, а в глобальном масштабе – как власть мировых денег. Эту власть осуждало в свое время революционное движение, звавшее на борьбу с плутократией, и эту же власть приветствовал О. Шпенглер как власть наиболее сильного и продвинутого хищника. Новая элита использовала всю совокупность средств, предоставленных историей, для поддержки своего доминирования. Промышленное развитие было направлено, с одной стороны, на создание иллюзорного потребительского рая, мгновенно рассыпающегося при финансовых кризисах. С другой стороны, промышленное развитие было использовано как главный инструмент утверждения превосходства западного мира, в котором родился и утвердил

ся капитализм. Этика властвующей элиты предстает по сути как этика воли к власти, а получение наживы в современных условиях есть лишь средство для реализации импульсов этой воли. Названное стремление в синтезе с логикой жизни общества, жаждущего достигнуть «земного рая», привело к утрате смыслов, продлевающих человеческую историю. На их место заступили симулякры, т. е. иллюзии смыслов, приводящие в движение потребительскую машину. Вращением этой машины капитализм решает главную задачу, именно воспроизводство социальной структуры, в которой возможно удержание власти плутократии⁵. Он находит уместным использование любых средств, диапазон которых простирается от марксизма, приспособляемого как средство контроля протестного движения, до защиты прав сексуальных меньшинств и однополых браков, разрушающих человеческое естество. Характерным примером является упорное навязывание гомосексуальных отношений, производящих глубокий слом эмоционального слоя, обращенного к культуре, словно сторонники этих отношений охвачены жаждой весь мир обратить в сплошной содом, ожидающий библейского огня. Во всяком случае, гуманистическая идея развития и самоутверждения человека, еще присутствовавшая в идеологии Просвещения, безусловно отброшена. Более того, пропагандистские усилия, дополненные мощью современных технологических средств, направлены на разложение

⁵ «При нынешней системе воспроизводится сам капитал в самом строгом своем определении – как форма общественных отношений, – а не в вульгарном понимании, как деньги, прибыль и хозяйственная система» [1, с. 84]. На наш взгляд, форма общественных отношений в данном случае есть форма сохранения господства определенных «социальных иерархий», завоевавших общество и опирающихся на соответствующую этику.

человека, который должен потерять всякую способность «видеть звездное небо над головой».

Основание всему началу нравственные, такой была мировоззренческая формула Ф.М. Достоевского, с религиозно-философской позиции фундированная в философии В.С. Соловьева. Борьба за материальное равенство вне нравственного обновления сознания не может вести к прорывным историческим результатам. Этика высших мотиваций должна найти себе новое выражение, и в соответствии с развитием современного человеческого сознания она должна опереться на научно-рациональную этически окрашенную концепцию человека. Душа человека по природе своей христианка и стремится творить добро, сказано одним из апостолов Нового Завета. Но современному сознанию нужно рациональное подтверждение этого тезиса, научное обоснование того, что продолжение жизни человечества возможно лишь на основе этики делания добра. Не экономика, но нравственные основания жизни, воплощающиеся в социальном устройстве, должны стать предметом философии. Негативные стороны в истории современной западной цивилизации, пронизанной «этикой капитализма», лишь один из негативных прецедентов проявления этой истины.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000 – 387 с.
2. Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 124 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 61–272.
4. Пико дела Мирандола Д. Речь о достоинстве человека // Антология философии

Средних веков и эпохи Возрождения. – М., Олма-пресс, 2001. – С. 448.

5. Соловьев В.С. Оправдание Добра // В.С. Соловьев. Соч. в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – С. 47–580.

6. Федоров Н.Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1982. – 711 с.

7. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–147.

SOCIETY AND THE ETHOS OF CAPITALISM

V.V. Cheshev

Tomsk State University

chwld@rambler.ru

The author develops the idea that the fundamental pillar of any society is an ethical (moral) principle that not only determines the individual relationships of people, but is involved in the formation of social relations. This provision is true with respect to capitalism, which brought not only specific motivation into the economic sphere, but also approved certain ethical principles in society. The author explores the process of the formation of ethical principles - from the labour ethic of capitalism to the European Enlightenment anthropology. The new anthropology adopted the concept of self-sufficient individuals seeking to maximize personal use, seeking pleasure and avoiding suffering. By virtue of the complex historical reasons, rooted in European history, society has adopted the ethos of individualism and the pursuit of individual good than paved the way to approval of capitalism and its ascent of the elites. This ethics is based on further development of capitalism and its support by the society.

Keywords: individualism, Protestantism, the ethos of capitalism, plutocracy, the anthropology of the Enlightenment.

References

1. Bodriyyar Zh. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolical Exchange and Death]. Moscow: Dobrosvet-Publ., 2000, 387 p.

2. Brodel' F. *Dinamika kapitalizma* [Dynamics of capitalism]. Smolensk: Poligramma Publ., 1993, 124 p.

3. Veber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. M. Veber. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 61–272.

4. Pikodella Mirandola D. *Rech' o dostoinstve cheloveka* [The Speech about the Dignity of the Per-

son]. *Antologiya filosofii Srednikh vekov i epokhi Vozrozhdeniya*. Moscow: Olma-press Publ., 2001, pp. 448.

5. Solov'ev V.S. *Opravdanie Dobra* [Good justification] V.S. Solov'ev. *Soch.v 2-kh t. T. 1*. Moscow: Mysl' Publ., 1988, pp. 47–580.

6. Fedorov N.F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Mysl' Publ., 1982. 711 p.

7. Fukuyama F. *Konets istorii?* [End of History?] *Voprosy filosofii*, 1990, no. 3, pp. 134–147.